

Татищева, составленный на основании свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами.

§ 25. Историко-археологическое направление въ русской исторіи.

Археологическое направление въ русской исторіи тѣсно связано съ историко-географическимъ. Давноу всѣхъ изыскателей русской старины явилось стремление увеличить кругъ новыхъ данныхъ, расширить наши познанія въ музѣевѣ. Тамъ, гдѣ оканчиваются свѣдѣнія литературныхъ источниковъ, письменныхъ памятниковъ — являются на помощь памятники вещественные. Таково происхождение русской историко-археологической школы. Вадентіи ее представителю — Забѣлину и графу Уварову. Для нашей цѣли вадено прежде всего прослѣдить археологическое направление въ работахъ, относящихся къ историческому періоду русской жизни. Ясное все оно проявилось въ изысканіяхъ Забѣлина. Самоучка, не получившій не только высшего, но даже, кажется, и среднего образованія, начавшій свою дѣятельность писцомъ въ одномъ изъ архивовъ, онъ выдвинулся благодаря своему громадному таланту и въ настоящее время состоитъ заведующимъ историческимъ музеемъ въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ ученыхъ трудовъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, раскопка знаменитаго чертомышскаго кургана, гдѣ найдено много вещей скифскаго періода. Забѣлинъ — наиболее извѣстный московскій историкъ, наиболее видный пред-

ставителъ нашей московской исторической національной школы. Печать громаднаго таланта лежитъ на всѣхъ его сочиненіяхъ. Полово въ послѣднее время, когда онъ занялся своею „Исторіей русской жизни“, разбирая различные мнѣнія о происхожденіи Руси, онъ съпустилъ краски, перешелъ допущенныя границы безпристрастія и дошелъ до односторонностей и крайностей.

Свое историческое міровоззрѣніе Забѣлинъ выражаетъ въ статьѣ: „Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей“, помѣщенный во 2-ую томъ его собранія „опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“. Въ этой статьѣ онъ подходитъ какъ бы къ историческимъ воззрѣніямъ Костомарова, но на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, между ними: цѣлая пропасть. Забѣлинъ въ своемъ взглядѣ на исторію старается провести аналогію между нею и естествознаніемъ, такъ какъ предметъ исторіи — народный организмъ, подобный тѣмъ организмамъ, какіе подлечаютъ изученію естествознаній. „Предметъ исторіи, говоритъ онъ, — живой организмъ человеческого духа, какъ явленіе, высшая ступень животнаго организма природы, надъ изслѣдованіемъ котораго и работаютъ естественныя науки. Изученіе и изображеніе человеческой жизни въ формѣ общества, народа, государства — какъ хотите — вотъ задача исторіи“. Недостатки предѣвшихъ историческихъ трудовъ Забѣлинъ объясняетъ отсутствіемъ сознанія идеи народности у изслѣдователей. „Характеръ историческаго изслѣдованія и изложенія,

говоритъ онъ, за немногими исключеніями досихъ поръ напоминалъ еще или первоначальную топикъ или исторію естественную, то есть простое описаніе фактовъ и явленій человѣческихъ дѣлъ, распределенныхъ иногда по родамъ и видамъ; при этомъ онъ суждалъ дѣла военные, дѣла гражданскіе, дѣла церковныя, домашнія и т. д. Единственная связь, на которой держался повѣствованіе, это хронологія, посылъ доводительность годовъ, связь, слѣдовательно чисто внѣшняя, механическая, способная скорѣе затенить дѣло, чѣмъ дать живое представленіе о народной жизни! Вообще представленіе историка, по словамъ Забѣлина, замалчивало оффициальными дѣлами, излагали, такъ сказать, казенныя событія: войны, подвиги ироевъ и т. п. Въ послѣднее же время стали обращать вниманіе не громадный матеріалъ для исторіи народной жизни, на факты меныиыя, обрисовывающіе въ рѣзкихъ чертахъ народный образъ:

„Подобно естествознанію, говоритъ онъ, и исторія обратилась къ микроскопическимъ наблюденіямъ и микроскопическимъ изслѣдованіямъ надъ предметною жизнью человека; житейскія мелочи, тончайшія волокна людскихъ отношеній, возрѣвній дренія человека, его вѣрованій и удобствъ, житейскихъ понятій стали болѣе возбуждать вниманіе историковъ, чѣмъ громадный, повидимому, и великій дѣла Лихачевыхъ и разныхъ Пашермановъ, въ чемъ бы они ни проявились — въ татарскомъ ли

ханатъ или друиныхъ какихъ дажде наполеоновскихъ
 нарядовъ... Недавно въ Германіи, отечествѣ наукъ,
 провозглашена новая наука - народо-психологія,
 система знаній о развитіи народно-духовной
 жизни, наука о духовной природѣ общественна-
 го человека, ученіе о законахъ, по которымъ -
 развивается исторія народа, по которымъ со-
 здается духъ, характеръ народа, неуловимый
 обликъ его исторической дѣятельности". Далѣе
 Забѣлинъ говоритъ, что все „неустройство те-
 перешняго изображенія сочиненій и составле-
 ній исторіи происходитъ отъ того, что досихъ
 портъ еще не могли уловить народнаго облика,
 что исторія теперешняго представляетъ ка-
 кой-то сборникъ біографій неуловимыхъ
 лицъ, надѣлавшихъ шуму въ исторіи и заклю-
 чаетъ много другихъ подробностей, затем-
 няющихъ народныя черты". Означеніи лично-
 сти въ исторіи онъ говоритъ: „Если въ великихъ
 личности исторіи служатъ только вырази-
 телями неизменныхъ силъ народа, провозвѣст-
 никами того, что давно уже таилось и зрѣло
 въ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, чаяніяхъ и
 стремленіяхъ массы, то пусть онъ и оставит-
 ся только въ этихъ поляхъ, а не выступаетъ, по
 волю историка, главными дѣйствующими
 лицами разсказа, которое все таки - самъ на-
 родъ". Преобладаніе вышнихъ событий у прежи-
 ныхъ историковъ происходило, по словамъ Забѣли-
 на, потому, что вообще отъ государственной
 вышней дѣятельности народа сохрани-
 лось больше памятниковъ, чѣмъ государст-
 венная дѣятельность, какъ и все вышнее?

скорее всего бросается въ глаза. Историки, говоритъ
 Забѣлинь, пренебрегли съ высоты своей государствен-
 ной точки зрѣнія многими вѣдѣтельными ма-
 териалами. Такъ, напримеръ, они рѣдко находятъ
 нужду въ юридическихъ актахъ и бумагахъ, ко-
 торыя, съ физиологической точки зрѣнія на ис-
 торическое дѣло — самый существенный источ-
 никъ народной исторіи. Не обращали вниманія
 на обширнѣйшій и разнообразнѣйшій ма-
 териалъ, изображающій живую народную душу,
 рисующій домашнюю будничную жизнь и мелкихъ
 дѣланій людей, а такое все мелкую обстановку
 древняго быта. Особенную вѣдѣность приде-
 летъ Забѣлинь при изображеніи исторической
 жизни народа — народному эпосу; изъ народ-
 ного эпоса, говоритъ онъ, долженъ историкъ
 черпать ту „живую воду“, которая „одна
 только имѣетъ силу воскрешать сухія думны
 древняго человека, хранящія вѣрныя и вѣ-
 рныя сказанія и повѣствованія, разрывы
 государственными актами и документами.“
 Въ характеристикѣ предѣлинь историче-
 скихъ трудовъ Забѣлинь прибавляетъ: „къ
 сожалѣнію еще до настоящей минуты тя-
 готитъ надъ нами присѣженная, неостыжѣ-
 мая какая то обязанность начинать исто-
 рію разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи
 варяговъ-руси, какъ будто въ самомъ дѣлѣ
 отъ этого антикварнаго вопроса зависитъ
 „быть или не быть“ нашего историческаго дѣ-
 ла. Неужели до сей минуты мы еще не убѣ-
 дились, что на этомъ ристалищѣ много
 можно поломать коней, много разъ можно

отличитель въ антикварной эрудиции и еще бо-
 лѣе разъ модно безалавно унасть, потративъ
 и трудъ, и время, и талантъ безъ всякой поль-
 зы для разрѣшенія да еще этого самого вопро-
 са"? Интересно, что самъ Забѣлинъ былъ втя-
 нутъ въ то ристалище, противъ котораго онъ
 здѣсь вооружается — мы разумѣемъ здѣсь по-
 лемику его съ норманистами, которую онъ
 ведетъ въ своемъ сочиненіи „исторія русской
 жизни“. Мы уже говорили выше, что Забѣлинъ
 отождествляетъ народность съ государствен-
 ностью. Тюрконики народности, говоритъ онъ,
 отцѣляютъ ее отъ государственности какъ нѣ-
 то чуждое, случайное — и это превратное поня-
 тіе происходитъ отъ того, что они переносятъ
 современныя требованія на народную дѣй-
 ствительность. Они должны показать намъ
 народный стихъ, который могли создать
 иную сферу, болѣе соответствующую.
 „Пока этого не случится, мы останемся при
 томъ мнѣніи, что государство, государст-
 венная форма, какая бы она ни была, не
 есть дѣло одного лица, или нѣсколькихъ
 лицъ, хронологически одно за другимъ сѣ-
 довавшихъ, а есть непосредственное дѣло сама-
 го народа, при томъ дѣло господствующихъ
 движеній его жизни, есть непосредствен-
 ное выраженіе народности. Далѣе Забѣлинъ
 говоритъ, что московское самодержавіе имѣло свои
 основы въ частномъ быту древней Руси... Не къ
 татарамъ и въ Византию мы обязаны от-
 правляться, чтобы удостовѣриться въ происхожденіи

существующей формы", такъ какъ самодержавіе было у насъ до татаръ (Ярославъ Мудрый и Андрей Боголюбскій называются въ летописи „самовла-
стцами"), при нихъ и после нихъ. Татары со-
дѣйствовали только болѣе быструму разви-
тію самодержавія. Отъ Византии была за-
имствована только отвлеченная идея ца-
ря, но типъ государя вотчинника и хозяина
есть типъ туземный, сложившійся органи-
чески, самъ собою изъ готовыхъ элементовъ на-
родной жизни; онъ существовалъ сначала въ
частномъ быту и потомъ, разившись въ по-
литическое тѣло, охвативъ бытъ всего наро-
да, сталъ его вершиною." Развивающаеся на-
родное сознаніе измѣняется постепенно въ
своихъ началахъ и принципахъ, ищетъ новыхъ
формъ для своего выраженія и, не находя ихъ
дома у себя, естественно обращается на сто-
рану и заимствуетъ чуждыя формы, но не сущ-
ность. Въ этой точкѣ зрѣнія смотритъ Забѣ-
линъ на византійскую обстановку царскаго
достоинства въ XV и XVI столѣтіяхъ и на
реформы Петра. Далѣе Забѣлинъ указываетъ
еще на одинъ важный факторъ народной
жизни: „полннмо государства существуетъ
дѣятель сильнѣе его, существуетъ само-
стоятельно, дѣйствуетъ независимо отъ
опредѣлений государства. Это — общество
народа. Общество есть главный, вѣдущій
дѣятель народнаго сознанія. Это созна-
тельная сторона, сознательная сила на-
роднаго духа, проявляемая въ элементахъ
образованности и вообще въ элементахъ

душевной деятельности народа." Не безинтересно будет привести здесь мысли Забѣлина о томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ народъ: „Народъ есть живая единица, сознающая единство, а не механически, т. е. административно, свое единство, свою utility. Совокупность дикородственныхъ племенъ не составляетъ еще народа, ибо племена, хотя и родственныя по языку и происхождению, не могутъ признавать единства. Всѣмъ дѣломъ того народа, которыми они живутъ и держатся".

Также, по мысли Забѣлина, задачи русской исторіи. Въ понятіи о государственности онъ сходится съ Костомаровымъ, но расходится въ понятіи о народности. Народность, по Костомарову, этнографическая единица, а по Забѣлину народность тождественна съ государственностью. Вторая половина раздѣла нашей статьи Забѣлина посвящена вопросу о задачахъ русскихъ древностей, или вѣрнѣе о задачахъ русской исторической археологіи. Здесь Забѣлинъ, какъ знатокъ своего дѣла, высказываетъ нѣсколько мыслей, являющихся важными и существенными дѣломъ въ смыслѣ методологическихъ приемовъ русскихъ древностей. Здесь онъ намѣчаетъ программу, которой и слѣдовало бы вѣрнѣе почти сочиненіямъ своимъ по русскимъ древностямъ. Для изученія народной жизни, говоритъ онъ, необходимо обратиться къ изученію жизни частной, ея мелочамъ и обстановкѣ. Здесь приходится намъ на помощь

археологий. „Наука древностей по преимуществу шьетъ дѣло только съ обломками, остатками; развалинами и не одними монументальными, вещественными, какъ ее обыкновенно понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человека, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы формѣ онъ ни встрѣтился. Среди такихъ обломковъ и развалинъ она и отыскиваетъ полноту единичной, индивидуальной жизни. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого мелкаго памятникѣ, такого мелочайшаго свидѣтельства, которое не было бы для нея важно и поучительно. Здѣсь всякая тонкая черточка идетъ въ дѣло, потому что для изображенія мелкихъ единицъ, нужны тонкія и мелкія черты. Словомъ, задача археологическаго изысканія — жизнь и бытъ человека, какъ отдѣльной единицы.... Вся, повидимому, самостоятельные отдѣлы археологическаго знанія, какъ напримѣръ, исторія искусства и т. п. въ результатѣ своихъ изысканій, изслѣдованій и своего ученія все таки встрѣчаются съ единицей — жизнью всякаго знанія и всякой науки — съ человекомъ или въ его единичной жизни или въ обществѣ, народѣ, основныя начала которой и стараются себѣ изяснить.“ Въ археологическомъ изысканіи, говоритъ онъ, требуется прежде всего изслѣдованіе внѣшней обстановки, внѣшнѣго порядка жизни, и въ этомъ случаѣ нѣльзя пренебрегать никакою мелочью, никакою микроскопическою черточкой; только благодаря этому можно возвести историческое и археологическое изслѣдованіе въ живые, законченные типы. „Если изъ живой,

дышащей характеристики современных нам типов художников прямо берет за вышнюю мелочную их обстановку и щедро разсыпает вокруг них домашний, бытовой мелочи, всегда придающий особенную выпуклость или, говоря старинным словом, особенное живость изображаемым лицам и картинам, то подобный краски еще необходимы для изображения древности." Современные нам типы, говорит Забьинь, знакомы нам и без описаний: мы ясно представляем в своем воображении тип чиновника, купца, мастера, солдата и т.д. Но — „что ныне иль было в общем движении, было непосредственным материалом самой жизни, то завтра исчезнет и переходит в область отвлеченностей, становится материалом для истории, или археологии, вообще материалом знаний. Оттого так трудно нам связать какое-нибудь живое понятие с именами, например, древнего русского князя, боярина, дьяка, боярского сына, торгового человека, востя, посадского и т.д. Все это — полнейшие исходники для нашего воображения, над которыми нужно еще много и долго поработать, чтобы добиться в них смысла, раскрыть в них живую душу." Какой же системы, спрашивает Забьинь, мы должны держаться при разборке этого разнообразного и громадного археологического материала? Завать не должно быть, по его мнению, отдельных самостоятельных отраслей археологии в роды нумизматики, геральдики — так

называемых дворнских аристократических наука, который для нас, людей XIX века не имеют значения, а только больше для русских. При изыскании каждой отрасли археологии должно обращаться на эту отрасль лишь столько внимания, на сколько она касается общедельца, центра всяких подобных изысканий - человека единичного, или целого народа. Но так как в различных оболочках восточной, старинной обстановки кроются основы, понятия и вообще вся духовная природа человека, то, система, строй и порядок, в котором должно вести археологическое изучение, кроется в основах самой жизни человека, в условиях материального, физического его существования и в духовных отправлениях его природы. Не по восточным вопросам о той или другой стороне, о том или другом предмете древнего быта, мы должны располагать археологическое знание, и по внутренним явлениям жизни человека - творца своей действительности, - следовательно основа археологической системы должна искать свою точку твердую опору в психологии; по крайней мере из этого источника она должна почерпнуть ту простоту и ясность в определении и построении порядка в своем содержании, без которых не будет и малейшей возможности осмыслить невнятную массу и разнообразие археологического материала." Наконец Зайтлин напоминает следующие пункты археологического изыскания: 1, материальная сторона угасшей

жизни, или все условия физического существования в данную эпоху; 2, сторона умственных сил, или т.е. условия, которые обнаруживали и определяли деятельность ума, жизненность мысли и 3, сторона нравственных сил со всеми условиями, в которых эти силы выразились.

Выразив свои взгляды на археологию, задолго рѣшившись приложить ихъ на дѣлѣ. Онъ задумалъ возсоздать полную картину прошлаго на основаніи археологическихъ остатковъ, какъ вещественныхъ, такъ и писменныхъ. Свои изслѣдованія въ этомъ направленіи онъ началъ съ изученія быта русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ и выпустилъ два сочиненія: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII стол.“ и „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіи“. Въ предисловіи къ первому изъ этихъ сочиненій авторъ высказываетъ интересный взглядъ на характеръ русской исторіи и русскаго народа: „интересъ нашей исторіи заключается по преимуществу въ непосредственной физиологическомъ ростѣ нашей цивилизаціи, въ отсутствіи, именно, тѣхъ элементовъ, которые двигали развитіе на западѣ, и въ присутствіи такихъ, которые сближаютъ насъ болѣе съ востокомъ, то есть вообще съ народами, не касавшимися въ своемъ развитіи того богатого наслѣдства древней образованности, какими пользовались народы западные. Мы не получили этого наслѣдства, не попали въ эту цивилизующую школу въ-какимъ выработаннымъ началъ и умственнымъ и общественнымъ развитіемъ. Мы, напротивъ,

очень долго росли, какъ цвѣтъ сѣвнѣй на степ-
ной волѣ, оставленные самими себѣ, какъ тотъ
любимый герой нашихъ сказокъ, обаянный,
загнанный братьями, обдѣленный отцовскимъ
наслѣдствомъ, вѣлишь котораго народъ инстин-
ктивно рисуетъ собственную долю. Собствен-
ными силами и разумомъ самой жизни, мед-
ленно и тяжело мы создали свою самостоя-
тельность. Намъ отказана въ помощи даже са-
ма природа и въ то время, какъ европейскіе
народы, двигаясь поступательно къ западу, всю-
ду встрѣчали не только богатство естественныхъ
условій, но даже, какъ напримеръ среди племенъ
Америки, значительную долю гражданскаго
развитія, мы, принужденные двигаться по
глубокому сѣверу на востокъ, встрѣчали на пути
тоже непроходимые лѣса, негодные тундры
и степи и суровые накатки цивилизаціи, предъ
которыми первенствовало даже наше, слишкомъ
молодое еще развитіе." Затѣмъ авторъ гово-
ритъ о недостаткахъ современной обработки
бытовой исторіи: „Обыкновенный способъ об-
работки бытовой исторіи заключается въ
томъ, что разновременные, разноименные и
разнословные бытовые факты сводятся подъ
известное означеніе и, такимъ образомъ, со-
ставляютъ разсказъ о той или другой сторо-
нѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни
(нашихъ на исторію Россіи Соловьева). При перво-
начальныхъ работахъ такой способъ почти
миновать нельзя. Но должно сознаться, что
онъ артышитъ измѣничивыя обобщенія фак-
товъ, изъ которыхъ каждый представляетъ

или доминантъ представлять какъ бы обшчую черту, не выходящую однакоже того, или другого общаго типа жизни, а рисуя только жизнь народа вообще въ известный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема". Затѣмъ Забѣлинъ говоритъ, что наука и искусство естественно помогаютъ другъ другу; "Затѣмъ искусство въ томъ, именно, и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что разбросанное и какъ бы разрозненное вращается въ жизни отрывочныхъ мимъ, припадковъ, однаго, по свойству своей нравственной природы къ одному и тому же роду, или виду. Наука съ своей стороны помогаетъ искусству и собираетъ матеріалъ для художественнаго воплощенія въ одно цѣлое разрозненныхъ и повидимому чуждыхъ другъ другу элементовъ нравственной жизни. Въ этомъ сущаго необходимо совершающагося естественнаго процесса словеснаго творчества: возводитъ знаніе въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль самой исторіи." Далѣе Забѣлинъ разсматриваетъ главныя типы древне-русской жизни, такихъ типовъ было три: 1^е, наиболѣе земельный, передовой типъ нашей исторіи есть государь или господарь не въ тѣсномъ смысле государя политическаго, а въ смыслѣ общины, какъ собственника и владѣльца, хозяина, который и въ общественной жизни именовался тѣмъ же словомъ, и въ самомъ дѣлѣ выступилъ уже изъ себя политическое явленіе. "Понятно, что этотъ типъ существовалъ среди первен-

ствующаго сословія въ родѣ, на примѣръ, княжеской дружины. Этотъ типъ можно разсчитывать въ 3^х видахъ: быть лучшими, средними и младшими людей; 2-й типъ — земледельца-капиталиста во веки его видоизмѣненій. 3-й типъ наиболее виднымъ миромъ становится по естественной причинѣ капиталистическостъ. Этотъ господарь-хозяинъ въ собственномъ смысле. Младшіе вѣтви этого типа терпятъ въ посадскихъ и черношубодескихъ сиротахъ, "которымъ трудолюбіе, оборотливость, "промыслъ" въ смысле дарованій ума и опытности, всегда открывали широкую и свободную дорогу въ первые ряды земства". Третій типъ — казачество — есть также особый особый порядокъ отношеній, особая стилизъ жизни, требующая, какъ особый изъ типъ, отъ дѣла, независимаго изслѣдованія. Не ограничивая его значенія одною какою либо мѣстностью, или историческимъ періодомъ, необходимо разсмотримъ существенныя стороны этого типа въ обихъ его явленіи. Казачество — сначала какъ отрицаніе земскихъ условій жизни, а потомъ, какъ своеобразно сложившееся земство — въ нашей исторіи имѣетъ особенное значеніе. Жизненная сила его была такъ велика, что оно сплотивъ было въ политическій ^{типъ} постепенное разможденіе котораго и окончательное исчезновеніе совершилось не столько отъ обстоятельствъ, неблагоприятствовавшихъ его развитію, сколько вообще отъ неправильности общаго историческаго идей вренія. I^{ая} глава носитъ общее заглавіе со 2ой и съ 3^{ей};

„Государевъ дворъ или дворецъ“. Въ первой главѣ сочиненія „Домашній бытъ царей“ заботимъ слѣдить, такъ сказать, за исторіей двора, за постепенными измѣненіями въ его устройствѣ и улучшеніями его украшеній въ періодъ XVI и XVII ст. Въ началѣ главы мы находимъ вступленіе, гдѣ разбивается исторически жизнь московскаго государя, начиная съ великокняжескаго періода и кончая бытомъ царей; здѣсь онъ указываетъ на XVII вѣкъ, какъ на періодъ полнаго развитія древнихъ основъ русской жизни; онъ говоритъ: „старый русскій домашній бытъ и особенно бытъ русскаго великаго государя со всеми своими уставами, положеніями, формами, со всю порядчивостью, чинностью и ктливостью наиболее полно выразился къ концу XVII столѣтія. Это была эпоха послѣднихъ дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, кѣмъ была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось въ такіе образы и формы, съ которыми по тому же пути дальше идти было невозможно“. Великій государь, или царь XVII вѣка, несмотря на громадное политическое могущество, несмотря на недоступность, на торазетованіе, которое отбывало его теперь отъ земля-остается въ своемъ домашнемъ быту, въ полнѣ народный типъ хозяйства, главы дома, типическія явленія того строя жизни, который служитъ основой экономической, хозяйскаго быта во всемъ народѣ. Одни и тѣ же понятія и даже уровень образованія, одни при-

быта, вкусы, обычаи, домашние порядки, преданий и въззорованій, одни нравы, — вотъ что равняло бытъ государя не только съ боярскими, но и вообще съ крестьянскими бытомы. Разница состояла только въ болѣе или менѣе просторѣ жизни, въ болѣе или менѣе богатствѣ и обилии украшеній. „Изба крестьянская, срубленная во дворцѣ для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избой въ своемъ устройствѣ, съ тѣми же навѣсами, передними ушами, съ тою же иже въ полтретыхъ сажени, сохраняя даже общенародное имя избы.“ Итерей въ взглядъ Забѣлина на устройство древней Москвы и на ея исторію: Вотчиннический, господарскій типъ московскихъ князей обозначился даже въ самомъ устройствѣ ихъ стариннаго города Москвы. Въ сущности это была помѣщичья усадьба, обширный вотчиннический дворъ, стоявшій среди деревень и слободъ, который почти весь имѣлъ какое либо служебное назначеніе въ вотчинническомъ хозяйствѣ, въ потребностяхъ его дома и домашнего обихода. „Въобщемъ исторія Москвы, какъ города, въ томъ отношеніи особенно и любопытна, что она, такъ сказать, попыталась идти за развитіемъ московскаго воеводства съ его зародженія, какъ частнаго, особеннаго, „собиннаго“ княжескаго хозяйства и до его окончательнаго распространенія на всю землю, когда это хозяйство-воеводство приобретаетъ уже общегосударственное политическое значеніе, становится формой политическаго быта земли.“ Въ 3-й главѣ,

имѣющей одинаковое названіе съ двумя первы-
ми, разсматривается значеніе различныхъ
частей дворца, говорится о томъ, кому позволено
или не позволено доступъ во дворецъ, говорится
о караулѣ дворцовомъ, затѣмъ о значеніи на-
личныхъ палатъ: Грановитой, золотой, цар-
ицной золотой, столовой и т. п.; здѣсь мы
встрѣчаемся съ дневальными записками о по-
годѣ и о дворцовомъ караулѣ, о постельныхъ
крюльцахъ, какъ сборномъ мѣстѣ дворянъ
и, наконецъ, съ дѣлами о нарушеніи чести го-
сударева двора и о дворянскомъ безгостыи.

Въ 4-й главѣ Забѣлинъ рисуетъ образъ госуда-
ревой жизни комнатной и выходной, и
это описаніе имѣетъ для насъ большое
значеніе, такъ какъ наши государи большую
часть жизни проводятъ дома. Еще болѣе
богатствомъ содержанія, болѣе широкой про-
пансией отличается сочиненіе Забѣлина: „Бытъ
русскихъ царицъ“. Здѣсь авторъ даетъ намъ ис-
торію русской жизни, начиная съ Ольги. Здѣсь
онъ указываетъ, какъ государи выбирали себѣ
невестъ, какими историческими ходомъ они
шли до этого способа выборовъ; разсказыва-
етъ также о придворныхъ интригахъ, про-
исходившихъ изъ за царскихъ невестъ. Далѣе
Забѣлинъ описываетъ образъ жизни царичи-
ной комнатной и выходной, гово-
ритъ о замкнутости быта царицъ, про-
водившихъ время въ постоянныхъ молит-
вахъ и развѣздахъ по монастырямъ. Затѣмъ
онъ описываетъ дворцовыя забавы, увеселе-
нія и зрѣлища, царицынъ дворцовый чинъ;

говоритъ о различныхъ кориницахъ, псалом-
щицахъ, учительницахъ, стѣнныхъ бѣлорыш-
няхъ и т. д. Наконецъ Забѣлинъ описываетъ ца-
рицыны наряды, уборы и одѣжду; каждая мелочъ
Екатеринскаго туалета, въ родѣ гребенокъ, булавонъ,
мыла, духовъ и т. п. описана авторомъ со всею
подробностію. Однимъ словомъ, это сочиненіе
даетъ дѣйствительно ключъ не только къ по-
ниманію домашней жизни, но и въ сѣбѣ съ-
тѣмъ представляетъ художественный ин-
тересъ; мы имѣемъ здѣсь настоящіе типы,
романъ прошлаго, основанный на точныхъ,
документальныхъ, фактическихъ данныхъ.
Кромѣ этихъ двухъ сочиненій Забѣлинъ,
желая, такъ сказать, продолжить свой планъ,
рѣшился написать систематическое сочине-
ніе, посвященное исторіи русскаго народа и
основанное также на археологическихъ дан-
ныхъ. Это сочиненіе называется: „Исторія
русской жизни“ въ 2^х томахъ. Къ сожалѣ-
нію этотъ трудъ не удовлетворяетъ даже
и тѣмъ требованіямъ, которыя предъяв-
ляютъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ
самъ Забѣлинъ. Впрочемъ, причиной это-
му, быть можетъ, былъ недостатокъ истори-
ческаго матеріала. Если для описаній быта
XVI и XVII столѣтій, несмотря на громадную
массу матеріала, Забѣлинъ жаловался все-
таки на скудость его, тогда эпохи съ IX по XIII в.
онъ имѣетъ къ нему огутомъ съ полной
скудостью матеріала. Онъ раздвинулъ очень
широко рамки своей задачи, захвативъ скиф-
скій періодъ, эпоху греческихъ колоній на югѣ

нынешней России, одними словами онъ, желая изобразить домашній бытъ русскихъ, избралъ предметомъ своихъ изысканій даже не русскихъ. Онъ всѣхъ скифовъ, роксоланъ и др. хотѣлъ одѣть въ русскіе костюмы. Въ этой книгѣ мы находимъ только блистательную характеристику природы русской территоріи и ея явленій на исторію. Первый томъ „Исторіи русской жизни“ почти на цѣлую треть наполненъ варяжскими вопросами; здѣсь Забѣлинъ набираетъ для отроверженія норманской теоріи цѣлую массу именъ и въ этомъ отношеніи идетъ по стопамъ Морозкина. Къ сожалѣнію, Забѣлинъ пользуется извѣстными и иностранными въ переводахъ. Во 2-мъ томѣ исторіи онъ развиваетъ нѣкоторые свои излюбленные идеи, напримѣръ, идею родового быта, но эта книга какъ не удовлетворяетъ, и въроятно, самъ Забѣлинъ убѣдившись въ нестойкости своего труда и отказавшись отъ продолженія своей работы. Сочиненіе Забѣлина „Миминъ и Подсарекій“ находится до нѣкоторой степени въ противорѣчіи съ его излюбленными идеями. Онъ занимается здѣсь собственно не народа, а его представителей. Въ этой книгѣ мы находимъ сильный обвинительный актъ противъ сущаго сословія, которое создало сущую эпоху. Наконецъ, Забѣлину принадлежатъ 2 тома сочиненій „опыты изреченій русской исторіи и древностей“. Здѣсь находится нѣсколько отдѣльных статей, напримѣръ: объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о русской археологіи, о различныхъ направленіяхъ въ русской исторіи; наконецъ, въ

последнее время имъ изданы „Матеріалы къ исторіи города Москвы“ и „Исторія города Москвы.“

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

Уваровъ родился въ 1824 г. и умеръ въ 1884 г. Кончилъ курсъ въ Петербургѣ, онъ слушалъ лекціи въ различныхъ иностранныхъ университетахъ. Съ 1845 года по 1850 онъ состоялъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; но служба эта его не привлекала и онъ въ 1851 году поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ участвовалъ въ комиссіи по устройству быта эстляндскихъ крестьянъ. Въ теченіи 1853 и 1855 г. состоялъ при кабинетѣ Его Величества, а въ промежуткѣ былъ капитаномъ дружины собственныхъ крестьянъ. Въ 1856 году перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и былъ назначенъ помощникомъ попечителя московскаго округа. Въ 1865 году онъ оставилъ государственную службу и до 1871 года исполнялъ должность предводителя московскаго дворянства. И такъ, мы видимъ, что графъ Уваровъ не могъ предаваться всецѣло служебной дѣятельности; перешедши въ теченіи 20 лѣтъ 4 года службы, онъ въ концѣ концовъ вовсе удалился отъ дѣлъ, и сталъ вести жизнь частнаго человека. Какъ дѣятель археологической науки, графъ Уваровъ занимаетъ у насъ самое видное мѣсто. 38 лѣтъ тому назадъ онъ уже выступилъ съ капитальными трудами по русской археологіи, который ему сразу доставилъ почетное мѣсто среди ученыхъ. Въ 1847 г. Императорское археологическое общество задалось цѣлью

пополнить свѣдѣнія о памятникахъ древности на берегахъ Чернаго моря; графъ Алексѣй Сергѣевичъ предложилъ свои услуги для этой экспедиции, конечно на свои собственные средства. Задача его была далеко не легкая. Ему предстояло: 1, осмотрѣть всѣ мѣста, упоминаемыя у древнихъ писателей по берегу Чернаго моря; 2, собрать свѣдѣнія о курганахъ и способахъ ихъ раскопки; 3, снять мѣстности, съ которыхъ имѣтъ еще хорошие планы: въ новороссійскомъ краѣ, въ Крыму, на Тамани; 4, изслѣдовать развалины различныхъ мѣстностей въ Крыму; 5, кромѣ классическихъ древностей, обратить вниманіе и на древности скифскія, византійскія, татарскія, генуэзскія и русскія; 6, собрать всѣ неизданныя еще древнія подписи; 7, осмотрѣть музеи; 8, провѣрить слухи о могилахъ скифскихъ царей на стѣрномъ берегу Чернаго моря. Такимъ образомъ, порученіе это требовало разнообразныхъ историко-археологическихъ свѣдѣній и влечетъ съ тѣмъ большаго ~~чужаго~~ запаса энергіи и выдержки. Благодаря свѣтлому уму, способности къ изслѣдованію темныхъ историческихъ вопросовъ и необыкновенной преданности своему дѣлу, графъ блистательно выполнилъ свою задачу. Возвратившись изъ поѣздки, онъ напечаталъ свой первый капитальный трудъ: „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря“. Въ этомъ сочиненіи (первое издание въ 2-хъ выпускахъ съ рисунками, на русскомъ и французскомъ языкахъ) графъ Уваровъ изложилъ и описалъ

разнообразные памятники древности на пространствах между Днепровскими порогами, Дунаемъ и Кубанью. Въ особенности интересны его наблюденья надъ памятниками древней Славян; по этимъ памятникамъ ему удалось возстановить ея древнюю жизнь - политическую исторію, гражданскія учрежденія, торговлю и монеты, искусства и ремесла, храмы, общественный и частный бытъ. Эта первая, видная экскурсія графа была только началомъ посильныхъ изысканій; съ этихъ поръ раскопки кургановъ съдѣлались его любимымъ занятіемъ. На это онъ тратилъ большіе средства. Результатомъ этихъ раскопокъ были цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, отдѣльных изслѣдованій, статей, замѣтокъ и т. п. Немного и не время здѣсь входить въ ихъ разсмотрѣніе. Достаточно будетъ остановиться на самомъ важномъ сочиненіи этого времени: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. Закончивъ обзоръ черноморскихъ древностей, графъ Уваровъ обратился къ сѣверо-восточной Россіи, къ территории стараго суздальскаго княжества, столь богатаго памятниками древне-русской жизни. Его занимала мысль изслѣдовать курганы и городища этой мѣстности, гдѣ некогда, передъ приходомъ русскихъ славянъ, жило финское племя, не оставшееся безъ вліянія на складъ великорусской народности. Наша древняя мѣстность въ общихъ чертахъ опредѣляетъ мѣстопребываніе Мерянъ, но еще не указываетъ границъ ея.

распространения, не даетъ почти никакихъ данныхъ о ея внутреннемъ бытѣ; то же самое нужно сказать и о друшыхъ письменныхъ памятникахъ. Такимъ образомъ, оставалось единственное средство для изслѣдованій - обратиться за свѣдѣніями къ вѣковымъ памятникамъ крамла, т.е. курганамъ и городищамъ. Дѣйствительно раскопки дали возможность графу Уварову возстановить географическое распределение этого племени и ея бытъ. Вѣсь мерянскій поселеній онъ раздѣлилъ на двѣ группы - самыя древнія и послѣдующія, соотвѣтствующія двумъ фазисамъ колонизаціоннаго движенія; что же касается границы поселеній, то для опредѣленія ея онъ прибѣгаетъ къ географической номенклатурѣ, названію селеній, рѣкъ, урочищъ и т.д., который сохранили намъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ слѣды имени Мери. Опредѣливъ древнюю географию края, графъ Уваровъ переходитъ вслѣдъ за тѣмъ къ внутреннему быту населенія и по найденнымъ въ курганахъ предметамъ рисуетъ намъ погребальныя обряды, религиозныя вѣрованія, торговый сношенія, пищу, одежду и украшенія, домашнюю утварь, хозяйство и ремесла, вооруженіе и монеты. Но для того, чтобы достигнуть такихъ результатовъ, нужно было затратить много средствъ и труда. Чтобы дать объ этомъ понятіе, я приведу только нѣкоторыя цифры. Раскопка кургановъ продолжалась 4 года; всего изслѣдовано бы-

по 163 листовости и разрыто 7729 кургановъ. Общее число номеровъ, найденныхъ здѣсь предметовъ равняется 998. Раскопки были окончены въ 1854 году, а основанное на нихъ сочиненіе явилось только въ 1871 г. Ученая дѣятельность графа Уварова шла между тѣмъ своимъ порядкомъ, но особенно интенсивное проявленіе въ началось съ 1865 года, когда по инициативѣ покойнаго было основано Московское археологическое общество, занявшее скоро, какъ бы центральное положеніе среди другихъ такихъ же обществъ. Въ качествѣ председателя этого общества графъ Уваровъ не пропускалъ ни одного открытія по русской археологій, особенно съ тѣхъ поръ, когда, опять таки по его инициативѣ, были организованы археологическія съезды. Тогда онъ лично ознакомился со всеми находками въ разныхъ областяхъ нашего обширнаго отечества. Съ другой стороны онъ не жалѣлъ средствъ на приобретение всевозможнѣйшихъ изданій по европейской и русской археологій, а равнымъ образомъ и самыхъ находокъ. „Въ его знаменитомъ подмосковномъ Портьевѣ“, говоритъ Барсовъ, „только нижній этажъ дома занятъ изящными камнатами и картинною галлереей. Бель-этажъ есть историко-археологическій музей; третій этажъ есть огромная библіотека — до ста тысячъ томовъ отборныхъ сочиненій историко-археологическаго содержанія. Графъ не щадишь никакихъ расходовъ на приобретение всехъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ изданій, относящихся къ его специальности,

и имѣть непрерывныя сношенія со всѣми русскими и иностранными учеными мірами. Всѣ свои раскопки, развѣзды, закупки научныхъ предметовъ, изданіе ученыхъ трудовъ, графъ дѣлалъ на свои средства и всегда былъ очень щедръ. Никакая академія, никакая публичная библіотека, музей или университетъ не располагаетъ такими матеріалами по вещественнымъ памятникамъ русской древности, какіе остались въ кабинетѣ графа; описанія, перекриска, рисунки, фотографіи въ совершенномъ порядкѣ разсортированы по картонкамъ съ названіями всѣхъ губерній. Понятно, что только одинъ графъ Уваровъ могъ приступить къ сочиненію, которое бы свело въ одну картину всѣ доселѣ сдѣланныя археологическія открытія и представило бы намъ систематическую археологію Россіи. Къ такому сочиненію и приступилъ графъ. Къ несчастью смерть не позволила ему довести своего дѣла до конца: въ 1871 г. онъ издалъ только первый томъ своего труда подъ заглавіемъ: „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. Книга эта, состоящая изъ одного тома — изслѣдованій и другого — приложеній, явила въ жизни ученой дѣятельности графа. Зоркій гармонически соединившій глубокое фактическое знаніе всѣхъ, сдѣланныхъ въ Россіи находокъ каменнаго вѣка, съ широкимъ общимъ образованіемъ и большою начитанностью въ европейской археологической литературѣ. Это дало возможность автору названнаго сочиненія поставить въ связь археологію Россіи

въ археологіи западной Европы. Благодаря критическому таланту и ясному изложению, изъ груды разбросаннаго, сырого матеріала получилась картина нашего доисторическаго быта, его первый каменный періодъ. Сначала авторъ даетъ нѣкоторые общіе свѣдѣнія о каменномъ вѣкѣ, потомъ переходитъ къ вопросу о первоначальномъ заселеніи русской равнины въ эпоху мамонта и, наконецъ, излагаетъ намъ бытъ тогдашняго человѣка въ древнѣйшій палеолитическій, переходный и новѣйшій неолитическій періодъ. Нельзя не признать „Каменный вѣкъ“ графа Уварова классическимъ сочиненіемъ въ нашей археологической литературѣ. Оно принесло большую пользу русскимъ археологамъ, наглядно показавъ имъ, какія стороны вопроса разработаны болѣе и какія вовсе не затронуты. Западно-европейская археологическая литература въ книгѣ графа Уварова приобрѣла сочиненіе, которое доставило ей массу новыхъ данныхъ и заставило значительно измѣнить предіе взгляды на археологію Россіи. Такъ, наприимѣръ, трудно уже теперь поддерживать предіе господствовавшее мнѣніе датскаго археолога Борсго, что и Россія не была еще заселена въ палеолитическомъ періодѣ каменнаго вѣка. Таковы главнѣйшіе ученые труды графа Уварова; я не останавливаюсь на массѣ другихъ, болѣе мелкихъ, которые тѣмъ не менѣе имѣютъ серьезное научное значеніе. Но графъ Уваровъ не былъ замкнутымъ кабинетнымъ уче-

ным; онъ былъ выхъетъ съ тѣмъ челоѣкоѣ
 иниціативы. Его общественно-научная дѣ-
 ятельность таковыя должна быть оцѣне-
 на по достоинству. Онъ принадлежалъ къ
 разряду тѣхъ, къ несчастю немногочислен-
 ныхъ, дѣятелей русской исторической науки,
 которые умѣли группировать около себя предан-
 ныхъ наукъ лицъ. Соединяя въ своихъ лихъ умъ,
 богатство, ученость и энергію, графъ Уваровъ
 успѣлъ значительно подвинуть впередъ юную
 русскую археологію. Въ 1865 году онъ устраи-
 ваетъ московское археологическое общество, воз-
 ситѣлихъ председателемъ котораго онъ
 былъ до самой своей смерти. Общество
 это выпустило въ свѣтъ нѣсколько отдѣль-
 ныхъ цѣльныхъ сочиненій и издавало посто-
 янно свой органъ подъ названіемъ „Древности“.
 Въ 1869 году по иниціативѣ графа Уварова и ар-
 хеологическаго общества былъ устроенъ первый
 археологическій съездъ въ Москвѣ, другой съездъ
 черезъ 3 года въ Петербургѣ, третій въ Киевѣ,
 четвертый въ Казани, пятый въ Тифлиси, ше-
 стой въ Одессѣ; седьмой долженъ былъ быть
 въ Харьковѣ, но не осуществившійся и проше-
 дшій въ Ярославлѣ. Графъ Уваровъ былъ ду-
 шою съездовъ. Онъ бралъ на себя самую труд-
 ную задачу ихъ организациі, онъ участвовалъ
 въ предварительныхъ изысканіяхъ, раскоп-
 кахъ; онъ открывалъ съезды и былъ ихъ по-
 стояннымъ председателемъ. Съезды эти
 принесли громадную пользу и русской наукѣ,
 и русскому обществу. Помимо того, что они
 дѣлали весьма цѣнный вкладъ въ археологи-

ческую науку, они, кроме того способствовали возбужденію интереса среди ильстиннаго общества къ своему прошлому. Чтобы удостовѣряться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какую многоадачную дѣятельность по части своихъ древностей, исторіи, географіи, этнографіи обнаружили представители ильстинной учености и интеллигенціи въ казани, Тифлисъ. Ученныя общества, музеи продолжали потомъ дѣло създовъ.

§ 26 Западно-русская и южно-русская школа въ русской исторіографіи.

Обратимся къ характеристикѣ трудовъ самаго виднаго представителя южно-русской исторіографіи, извѣстнаго и въ русской исторіи вообще — Н. И. Костомарова.

Отъ него сохранилась его автобіографія, помѣщенная въ біографическомъ словарѣ профессора Кіевского университета и въ журналѣ „Русская мысль“ за 1885 годъ въ V и VI книжкахъ. Есть воспоминанія о немъ господи Тьмозерекій, помѣщенные въ „Русскій старинѣ“, затѣмъ лекціи о немъ Семевскаго въ „Русской старинѣ“ за 1876 г. 1. Существуетъ оутика его дѣятельности, сдѣланная Антоновичемъ, воспоминанія его близкаго друга Мордовцева, помѣщенные въ „Нови“; воспоминанія Скабичевскаго. Костомаровъ родился въ 1817 году 4 мая въ Воронежской губерніи, вострогическомъ уѣздѣ, въ краѣ, гдѣ сплосная малорусская народность соприкасается съ сплосною великорусскою. Обучался онъ въ разныхъ пансіонахъ Воронежа и Москвы.